
Камила Левитан ✦ Анна Сорока
Развод с предателем.
Ты назвал нашу дочь обузой, но я забрала у тебя всё!

Анна Сорока

Развод с предателем. Ты назвал нашу дочь обузой, но я забрала у тебя всё!

«Автор»
2026

Сорока А.

Развод с предателем. Ты назвал нашу дочь обузой, но я забрала у тебя всё! / А. Сорока — «Автор», 2026

На годовщину свадьбы муж подарил мне развод.— Твоя дочь слишком дорого обходится, Вера. Я хочу жить без этого груза.Игорь решил отдать нашу клинику любовнице, лишить меня работы и отправить Алису в интернат.Он знал, что я скорее умру, чем позволю забрать ребёнка.Но просчитался.Я не просто его жена. Я хирург, который годами спасал людей и вытаскивал клинику из долгов.Теперь мне предстоит бороться за дочь, профессию и собственную жизнь.Опасный мужчина по имени Максим предлагает помощь. Только можно ли ему доверять?А мой бывший муж скоро узнает, что значит оказаться на месте человека, которого он уничтожил.

© Сорока А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Камила Левитан, Анна Сорока
Развод с предателем. Ты назвал нашу дочь обузой, но я забрала у тебя всё!

Глава 1

Запах белых роз въелся мне под кожу, пока я стояла у двери своей же квартиры. Я держала букет так бережно, словно это были не цветы, а хрупкая ампула с лекарством, которое могло вылечить всё: и усталость от двенадцатичасовой смены, и гул в висках после операции на четвертом этаже, и тихую панику перед завтрашним аудитом клиники. Игорь обожал эти розы. Десять лет брака — десять лет одинакового ритуала. Он встречал меня с бокалом вина, целовал в висок, шептал что-то теплое про то, как гордится мной. Сегодня годовщина. Пятнадцать лет вместе, если считать институтские годы. Я была готова к этому теплу, как замерзший путник к костру.

Повернула ключ. Замок щелкнул привычно, но тишина за дверью показалась мне густой, вязкой, как смола. Не было музыки. Не было запаха ужина. Только холодный воздух из прихожей и тусклый свет бра над зеркалом.

Игорь стоял посреди гостиной. Спиной ко мне. Его силуэт в дорогом костюме казался чужим, угловатым. Обернувшись, он скользнул взглядом по букету, по моему лицу и снова посмотрел на часы. Я опоздала на двадцать минут — и раньше он всегда спрашивал, как прошла операция. Сегодня даже не спросил.

— Привет, — сказала я, пытаясь улыбнуться, чувствуя, как пальцы в перчатках начинают неметь. — Я купила твои любимые...

Он не дал договорить. Сделал шаг назад, избегая протянутого букета, будто розы были заражены вирусом. Этот жест ударил сильнее пощёчины. Я всё ещё держала букет между нами, как дура. Десять лет старалась быть идеальной женой — и вот чем он меня встретил.

— Где деньги? — спросил он. Голос был сухим, без интонации.

Я замерла, все еще держа цветы. В голове всплыло воспоминание о вчерашнем разговоре о фонде для детей с аутизмом, который мы планировали открыть. О том, как я отказалась от премиальных выплат ради оборудования для дочери Алисы.

— Какие деньги, Иг? — мой голос предательски дрогнул. — Ты имеешь в виду счет на ремонт кухни? Я перевела вчера. Проверь приложение банка.

— Не играй со мной, Вера. — Он подошел ближе, нависая сверху. От него пахло дорогим парфюмом, который я ему покупала на прошлой неделе, и теперь этот запах вызывал тошноту. — Клиника. Доходы за квартал. Куда делись три миллиона, которые прошли мимо кассы через твои «благие дела»?

Обида поднялась волной, горячей и едкой. Три года я вытаскивала эту клинику из долгов своими руками. Своими ночными дежурствами, своими бессонными вечерами над картами пациентов, своим талантом хирурга, который приносил клиентов туда, где администраторы типа Игоря могли бы только протирать пыль. А он сводил всё это к якобы украденным деньгам.

— Это не «мимо кассы», это инвестиции в репутацию! — выпалила я, бросая букет на пол. Белые розы рассыпались по ламинату. Один стебель сломался; я услышала этот сухой хруст раньше, чем собственный голос. — Если бы не моя работа, тебя бы давно уволили с позором за непрофессионализм. Ты думаешь, пациенты идут к директору-администратору? Они идут ко мне!

Игорь усмехнулся. Криво, одним краем рта. Я ещё надеялась, что он хотя бы услышит меня. Он смотрел на брошенный букет и усмехался, пока я пыталась отдышаться после крика.

— Пациенты идут туда, где есть реклама и где их берут без очереди. А ты... ты просто функция. Дорогая функция.

Мне нужно было уйти. Прямо сейчас. Выдохнуть, успокоиться, вернуться позже, когда этот туман в голове рассеется. Я развернулась и пошла на кухню, шаркая ногами по полу. Сбросила туфли у кухонной двери. Холодный кафель под босыми ногами обжигал стопы, возвращая в реальность. Открыла кран, подставив ладони под мощную струю воды. Шум лился в уши, заглушая сердцебиение. На секунду стало легче. Всего на секунду.

Когда я вернулась в гостиную, на столе лежала черная кожаная папка. Игорь положил её ровно посередине, застёжкой ко мне. За те минуты, что я стояла у крана, он успел всё приготовить. Я остановилась у стула: в годовщину брака он собирался разговаривать со мной как с вызванным на ковёр сотрудником.

Я села напротив него. Колени дрожали. Стиснув их ладонями под столом, я дождалась, пока Игорь заговорит.

— Что это? — спросила я тихо.

— Подарок на годовщину, — ответил Игорь. Он не сел. Он стоял, опираясь на край стола, и смотрел на меня с расчетливым равнодушием, от которого мурашки бежали по спине. — Открой.

Я потянулась к застежке. Щелчок. Крышка папки открылась с глухим звуком. Внутри не было цветов или украшений. Там лежала стопка документов. Верхний лист бросился в глаза крупным шрифтом: «Исковое заявление о расторжении брака». Ниже — договор дарения доли ООО «Клиника Соколова». Получатель: Лана Морозова. Бухгалтер. Та самая Лана, которая всегда улыбалась мне слишком широко и носила юбки выше колена.

Мир качнулся. Звук в ушах сменился на высокий тонкий звон, как при контузии. Я перечитала имя получателя три раза. Дарение. Безвозмездное. Полное.

— Ты шутишь, — выдохнула я. Губы не слушались. — Это плохая шутка, Иг. Очень плохая.

Игорь обошел стол. Медленно. Как сапер, подходя к мине. Он остановился прямо перед моим стулом, нависая, блокируя свет люстры. Его тень упала на мои документы, на мои руки.

— Никаких шуток, Вера. Ты обуза. — Слова падали в тишину, как камни в колодец. Каждый звук был отчетливым, холодным. — Твоя дочь требует слишком много ресурсов. Специальные школы, врачи, сиделки, лекарства. Это дорого. Это сложно. А я хочу жить. Легко. Красиво. Без груза на шее.

На словах «твоя дочь» я перестала слышать его. Моя Алиса. Девочка, которая не может сама завязать шнурки и кричит от яркого света. Игорь знал, какой свет оставить ей на ночь, знал, как долго приходится возиться с этими шнурками. Сейчас он перечислял школы и лекарства — и я ждала, что он назовёт хоть что-нибудь ещё. Её смех. Её имя. Он считал расходы.

— Она не груз, — прошептала я, поднимая взгляд. Глаза жгло, слезы стояли комом в горле, отказываясь падать. — Она наш ребенок. Мы договаривались...

— Мы договаривались десять лет назад, когда ты была молодой и перспективной, а не истеричной матерью-одиночкой в браке, — перебил он. В его глазах не было ни капли вины. Только облегчение. Облегчение человека, который наконец сбросил тяжелый рюкзак. — Подпиши бумаги добровольно. Уедешь тихо. Оставлю тебе квартиру в Бутово. Она небольшая, зато своя.

— Бутово? — рассмеялась я. Смех вышел сдавленным, хриплым. — Там нет нормальных школ. Там нет специалистов для Алисы. Там... там далеко от работы.

— Какая работа? — Игорь склонил голову набок, изображая удивление. — Ты будешь уволена. По статье. За нарушение профессиональной этики и финансовые махинации. У меня

есть компромат, Вера. Достаточный, чтобы ты никогда больше не взяла скальпель в руки. Чтобы лицензию отобрали. Чтобы ты стала никем.

Меня замутило. Я представила, как прихожу в отделение, а мне не дают даже войти в операционную. Игорь знал, чем пригрозить: после всего, что я сделала для клиники, можно было одной бумажкой лишить меня работы. Я посмотрела на дарственную. Он уже распорядился и моим трудом, и будущим Алисы. Подписи моей ему не хватало. И он ещё ждал, что я её поставлю.

— Ты не посмеешь, — сказала я, вставая. Стул скрипнул по полу. — Ты не можешь подделать документы против главного врача. Прокурор проверит...

— Прокурор занят более важными делами, чем жалоба пьяной жены директора, — отрезал он. Он сделал шаг ко мне. Я сделала шаг назад, чувствуя спиной холодную стену. — Подпиши. Сейчас. Или я вызываю полицию, и мы будем объяснять им, почему ты крадешь оборудование из клиники. Тебе двадцать лет не хватит, чтобы отмыться от этого клейма. А Алиса попадет в интернат. Государственный. Слышишь? Интернат.

Удар пришел внезапно. Не словами. Действием. Я попыталась схватить его за рукав, за плечи, встряхнуть, вернуть в разум, в человечность. Он оттолкнул меня. Грубо. Без замаха, просто силой. Спина встретилась с уголком книжного шкафа. Боль взорвалась вспышкой белого света перед глазами. Воздух выбило из легких, я захрипела, скользя вниз по стене.

— Не устраивай истерик, соседи услышат, — бросил он, глядя сверху вниз. В его голосе было отвращение. Не к себе, а ко мне. К моей слабости. К моей боли.

Лежа на полу, вцепившись ногтями в ламинат, я смотрела на его начищенные туфли. Черные, блестящие, идеальные. Он мог снова толкнуть меня, и никто здесь не остановил бы его. Я прикинула расстояние до двери. Между мной и выходом стояли эти туфли.

Руки дрожали. Я дотянулась до телефона, лежащего на журнальном столике. Нужно было звонить. Адвокату. Подруге. Полиции. Любому. Кто угодно мог остановить этот кошмар.

Игорь заметил движение. Он не стал ждать. Поднял ногу и резко, точно, как футболист по мячу, ударил по телефону. Телефон вылетел у меня из руки и ударился о стену. Экран мигнул и погас. Игорь поднял аппарат и швырнул его в аквариум.

Звук разбитого стекла был оглушителен. Вода хлынула наружу, смешиваясь с электрическими проводами, искрясь синим светом. Рыбки, обезумевшие от шока, выпрыгивали на мокрый пол, шлепаясь животами о ламинат. Одна из них, золотая, забилась у моих ног, открывая рот в немом крике.

Вода текла по стенам, размывая обои. Комната погружалась в хаос. И в этот момент дверь открылась.

Лана вошла в гостиную. Она не выглядела смущенной. Не прятала глаз. Она шла уверенно, как хозяйка, оценивающая новый интерьер. На ней было платье цвета бордо, которое я видела у нее в офисе месяц назад. Она посмотрела на меня, сидящую на полу в луже собственной жизни, и ее лицо не изменилось. Ни тени сочувствия. Ни капли стыда. Только скука.

— Игорь сказал, ты можешь забрать свои вещи, — произнесла она мягко, почти нежно. Голос был сладким, как просроченный мед. — У тебя десять минут. Потом охрана вынесет мусор.

Глава 2

Я подняла голову. Волосы прилипли к лицу, вода стекала за воротник, холодная и грязная. Синяк на спине пульсировал в такт сердцу. Перед глазами плыли пятна. Предательство было спланировано давно. Очень давно. Пока я спасала жизни, они хоронили меня заживо. Лана не любовница. Лана была партнером. Равной. Той, кому он отдал всё.

Я смотрела на её сухой подол и на воду вокруг себя. Она знала, куда идёт, пока я выбирала белые розы. Теперь стояла здесь и давала мне десять минут на сборы.

Лана достала из сумочки связку ключей. Блеск металла в тусклом свете бра ослепил. Она положила ключи от моей машины на стол. Звук был тихим, но в наступившей тишине он прозвучал как щелчок затвора пистолета.

— Время пошло, — шепнула она, поворачиваясь к выходу.

Я осталась сидеть. Мокрая юбка липла к бёдрам, и мне никак не удавалось набрать воздуха для полного вдоха. Десять минут. За десять минут нужно встать, собрать вещи и выйти отсюда. А потом куда? Где Алиса? Я снова посмотрела на папку. Пока они ждали, что я поднимусь, я запоминала. Какая подпись стояла на дарственной. Как Лана положила ключи. Что Игорь сказал об Алисе. Они ждали, что я заберу вещи; я забирала каждое их слово.

Вахтёрша, баба Зина с лицом, изрезанным глубокими морщинами от постоянного прищуривания, смотрела на меня так, будто я просила пустить её в адский огонь. Коридор общежития медсестёр пах хлоркой и варёной капустой. Обычно я проходила его, думая о следующей смене. Сейчас стояла у стойки и прикидывала, можно ли устроиться на ночь между батареей и стеной.

— Мне нужно место на ночь, — сказала я. Голос дрогнул, предательски выдавая страх. — Просто на полу в коридоре. Или в подвале. Я заплачу. У меня есть три тысячи наличными.

Баба Зина фыркнула, сплюнув семечку в мусорное ведро рядом со стойкой. Её пальцы, желтые от никотина, барабанили по столешнице.

— Бывшие жены директоров тут не живут, Соколова. Игорь Аркадьевич звонил ещё утром. Сказал: «Если эта появится, выметай её метлой». А метлу у нас сломали в прошлом году. Так что проваливай, пока я охрану не вызвала.

Хотелось напомнить ей, сколько лет я работаю в клинике. Что на операциях ко мне прислушиваются люди, которым она открывает дверь каждое утро. Но Зина уже взяла следующую семечку. Я вышла на улицу, не договорив даже «пожалуйста». В тонких туфлях хлюпала вода, а я всё представляла место у батареи, которого мне не дали.

Достала старый рабочий телефон, который унесла вместе с вещами. Пальцы онемели, и я дважды промахнулась по кнопке вызова. Набрала старый рабочий номер клиники. Один гудок. Два. Три.

— Алло? Клиника «Соколов & Партнёры», чем могу помочь? — голос Ланы. Слащавый, нарочито милый. Я представила её в кабинете Игоря, на моём стуле у окна. Даже сейчас, услышав её голос, первым делом захотелось спросить, свободен ли муж.

— Мне нужна информация о графике дежурств педиатрического отделения, — начала я, стараясь говорить сухо и официально. — Это срочно, вопрос юридический...

Лана рассмеялась. Тихо, интимно, почти шепотом, словно мы были одни в комнате.

— Мама спит, папа занят, — протянула она, копируя детский голосок моей дочери. Затем смех оборвался, став резким и злым. — Не звони сюда больше, Вера. Игорь терпеть не может твои истерики. Мы заняты.

Короткие гудки. Она бросила трубку. Я стояла посреди мокрого тротуара, чувствуя, как внутри всё скручивается в тугой, болезненный узел. Она повторила интонацию Алисы так

точно, что я на секунду поверила: дочь рядом. Прижала телефон к уху снова, хотя Лана уже отключилась.

Ночь я провела в подвале соседнего дома, где грелась батарея отопления. Там было сыро, пахло плесенью и ржавчиной. Я лежала на картонке, расстеленной поверх кафельного пола. Тело отказывалось спать. Каждый вздох отдавался болью в ребрах, голод грыз живот так, что хотелось выть. Тишина давила на уши. В этой тишине не было ни звука дыхания Алисы, ни шороха простыней, ни тихого посапывания. Только гул вентилятора и собственное сердцебиение, ускоряющееся до безумного ритма.

Паническая атака пришла волной. Горло сдавило, воздух перестал поступать в легкие. Чтобы не закричать, я впилась зубами в тыльную сторону ладони. Кровь солоновато потекла по пальцам, смешиваясь с грязью на руках. Боль притупила страх, но не убрала его. Я думала, что выдержу ночь. Под утро пойду искать помощь. Но стоило закрыть глаза, как я слышала Алису: она звала меня из другой комнаты. Я вскидывалась на картонке — и снова слушала вентилятор.

Утро встретило серым небом и свистком, означающим начало смены в столовой при клинике. Я вошла туда, где раньше завтракала каждый день. Официантки не узнавали меня, или делали вид. За длинным столом сидели врачи, медсестры, администраторы. Их лица были масками равнодушия.

В конце стола сидела Галя, главная медсестра, моя подруга десяти лет. Мы вместе дежурили в новогодние ночи, вместе плакали после неудачных операций. Я подошла к ней, чувствуя, как горят щеки от стыда.

— Галя, пожалуйста, — прошептала я, опустившись на стул напротив. — Хоть тарелку супа. И скажи, где они держат Алису. Игорь перевёл её в частную клинику за городом?

Галя вздрогнула. Она не посмотрела мне в глаза, только нервно теребила край фартука.

— Вера, уйди, — одними губами произнесла она. — Игорь сказал, если ты появишься здесь, я потеряю лицензию. Прости. Я не могу.

Она встала и резким движением локтя задела тарелку. Тарелка с остатками борща и куском хлеба полетела на пол, прямо к моим ногам. Жидкость расплескалась, горячая и жирная.

— Ой, руки дрожат, — громко сказала Галя для окружающих, делая вид, что это случайность. Никто не вмешался. Никто не помог поднять еду.

Я медленно наклонилась, поднимая хлеб с мокрого линолеума. Руки дрожали так сильно, что крошки сыпались на колени. Подняв голову, поискала Галю. Хоть бы она вернулась, помогла мне встать, сказала что-нибудь тихо. Её уже не было за столом. Я осталась с хлебом в руке перед людьми, с которыми ещё вчера работала.

Перед тем как идти в опеку, я отправила с рабочего телефона письмо в прокуратуру: номера платежей, три фирмы, на которые Игорь переводил деньги, и даты. Эти счета проходили через мои заявки на оборудование, поэтому я могла назвать их по памяти. Имя пока не указала. Номер для ответа оставила — пусть хотя бы проверят, куда ушли деньги.

К обеду я добралась до органов опеки. Здание было серым, бетонным, с массивными дверями, которые открывались с тяжёлым скрипом. Внутри пахло пылью и казенщиной. Инспектор, женщина лет пятидесяти с сухими губами и очками на кончике носа, даже не встала навстречу.

— Документы на развод приняты, — монотонно пробормотала она, листая мои бумаги. — А вот справка от психолога... эмоционально нестабильна, склонна к истерикам, угрожает безопасности ребенка. Встреча запрещена на три месяца.

— Это ложь! — воскликнула я, хлопнув ладонями по столу. — Я мать! Я врач! Поднимите мои документы, позвоните в отделение! Историю болезни Алисы я вам принесу — настоящую, а не то, что они тут написали!

Инспектор подняла глаза. В них не было ни капли сомнения, только усталость и презрение.

— Нам важнее мнение специалистов, нанятых отцом, чем ваши крики, гражданка Соколова. Охрана!

Двое молодых парней в форме вошли в кабинет. Они взяли меня под руки, грубо, без церемоний. Меня вывели на улицу, как преступницу. Солнце било в глаза, слепило, заставляя щуриться. Я чувствовала себя ничтожеством, винтиком в машине, которую кто-то крутил против меня.

На выходе из здания меня ждал мужчина. Высокий, в строгом черном пальто, которое подчеркивало ширину плеч. Он не улыбнулся, не поздоровался. Просто протянул визитку. Белая бумага с тиснением.

— Максим Волков, прокуратура, — сказал он низким, бархатным голосом. Его глаза, темные и пронизывающие, скользнули по моему лицу, оценивая состояние. — Если хочешь вернуть дочь, перестань плакать и начни копать.

Я хотела выбросить визитку. Обидеться на его цинизм. Он видел во мне не жертву, а источник информации. Инструмент. Но я сжала бумагу так, что край впился в укушенную ладонь. На белой бумаге были имя и номер. Хоть один человек дал мне номер, по которому можно звонить. Я смотрела на визитку, стараясь не надеяться слишком сильно: он ведь пока ничего не обещал.

— Почему я должна верить вам? — спросила я хрипло.

Максим развернулся, чтобы уйти.

— Потому что другие уже верят. Игорь купил всех вокруг тебя. Кроме меня.

Он ушел, растворившись в потоке прохожих. Я осталась стоять, сжимая визитку так, что побелели костяшки.

Вечером я вернулась в подвал общежития. Баба Зина пустила меня, увидев синяк на щеке, полученный от охраны. Она молча дала мне угол в кладовке, заваленной тряпками. Там же стояла коробка. Маленькая, картонная, перевязанная скотчем. Рядом записка от курьера: «Матери ребенка. От отца».

Сердце заколотилось. Я открыла крышку. Внутри лежали вещи Алисы: любимое платье с зайчиками, плюшевый мишка, кукла. И дневник. Тот самый, в котором она рисовала солнце и семью за круглым столом.

Я взяла дневник дрожащими руками. Открыла на последней странице. Вместо детских каракулей там был аккуратный почерк взрослой женщины. Ланы. Или под её диктовку.

«Папа говорит, мама больная. Мама кричит во сне. Я боюсь маму. Папа защитит меня от мамы».

Я перечитала запись и перевернула страницу, надеясь найти знакомые каракули. Алисино солнце. Круглый стол, за которым мы сидели вместе. «Я боюсь маму» — этого она никогда не писала. Кто-то вложил ей в голову эти слова, а я лежала в подвале и даже не могла возразить. Когда доберусь до дочери, она может отойти от меня. Спрятаться за Игоря. От этой мысли я перестала чувствовать холод.

Глава 3

Телефон завибрировал в кармане куртки. Экран показал неизвестный номер. Я ответила, прижав аппарат к уху так сильно, что кожа заныла.

Максим Волков говорил тихо. Я прижала дневник коленом, чтобы не закрылся, и замерла с телефоном у уха: он позвонил сам. Он помнил, о чём мы говорили у опеки.

— Я знаю, где они хранят оригиналы медицинских карт твоей дочери, — произнес он. — И я знаю, что вместе с ними Игорь скрывает причину смерти пациента. Ты готова стать свидетелем?

Ветер резал лицо, но я не чувствовала холода. Чувствовала только жжение в кончиках пальцев и ледяную пустоту внутри. Клиника «Соколов & Партнёры» возвышалась передо мной, как белая мраморная гробница. Витрины сияли стерильной белизной, отражая серое небо. Там, за этими стеклами, моя дочь ела ужин, который ей не нравился, а мой муж делил постель с бухгалтером. Но мне нужно было внутрь. Не ради мести — ради правды. Я натянула капюшон старой спортивной куртки до глаз, сунула руки в карманы и вошла через служебный вход. Запах хлорки ударил в нос, вызывая тошноту. Этот запах всегда был запахом моего дома, моей жизни. Теперь он пах предательством.

Я знала путь к серверной лучше, чем кто-либо другой. Десять лет я там работала, спасая чужие жизни. Шаг за шагом, мимо камер: до двери уже недалеко. Коридоры были пусты, гул вентиляции заглушал стук моего сердца. Вот дверь. Красная кнопка доступа. Я прижала палец к сканеру, надеясь, что старый код все еще работает. Щелчок. Дверь открылась. Внутри гудели серверы, на стойках мигали синие индикаторы. Всё работало. Я ещё могла успеть, если мой доступ не закрыли. Подошла к терминалу, дрожащими пальцами вставила флешку. Экран мигнул: «Доступ запрещен». Снова. «Ошибка идентификации». И тут за спиной раздался голос, сладкий, как испорченный мед.

— Верочка? Что ты здесь делаешь?

Я обернулась. Лана стояла в дверном проеме, прислонившись плечом к косяку. На ней было новое платье, изумрудное, подчеркивающее фигуру, которую она так тщательно выстраивала, крадя у нас деньги. Она улыбалась, но глаза ее оставались холодными, расчетливыми. За ее спиной маячил охранник, крупный мужчина с квадратным подбородком, который узнал меня раньше всех.

— Игорь сказал, что ты можешь прийти за вещами, но только с юристом, — Лана сделала шаг вперед, каблуки цокали по линолеуму. — А ты... ты выглядишь плохо, Вера. У тебя тремор рук. Ты больна? Или просто сумасшедшая от горя?

— Отдай мне документы на клинику, — мой голос сорвался, хриплый от невыплаканных слез. — Ты знаешь, что они мои. По брачному договору и по факту создания бизнеса.

Лана рассмеялась. Это был короткий, сухой звук, похожий на щелчок зажигалки. Она достала из сумочки сложенный лист бумаги и бросила его на клавиатуру компьютера. Бумага упала поверх моих пальцев.

— Подпиши отказ от претензий, и я позволю тебе звонить Алисе раз в месяц. Один раз. Пять минут. Без права видеться лично. Игорь считает, что твое состояние нестабильно для ребенка. Он даже подумывает о том, чтобы ограничить твои родительские права окончательно. Из-за этой нервозности. Из-за того, что ты ходишь по коридорам, как призрак, пытаясь взломать систему.

Меня замутило. Она использовала мою дочь как рычаг, как монету для обмена на молчание. Гнев поднялся волной, горячей и обжигающей. Я схватила бумагу, разрывая ее пополам. Куски полетели на пол.

— Ты всего лишь ширма, Лана. Игорь переводит активы на твое имя, чтобы потом забрать их обратно, когда развод станет техническим вопросом. Ты думаешь, он любит тебя? Он использует тебя как подставное лицо для отмывания денег. Ты знаешь это. Все знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.